

М.В. Михайлова, А.В. Назарова (Москва, Россия)

Психологизм романа Е.Н. Чирикова «Возвращение»

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье стало своеобразие психологизма в романе Е.Н. Чирикова «Возвращение». Он входит в автобиографическую тетралогию «Жизнь Тарханова» (1911–1924), которая демонстрирует, что в начале 1910-х гг. писатель изменил сложившейся ранее репутации бытописателя и обличителя социальных язв, обратившись к философскому постижению мира и человека. Однако современники автора оказались не готовы к творческой эволюции художника, что доказывает история критической рецепции этого романного цикла. «Возвращение» оказалось фактически проигнорировано рецензентами, хотя именно в нем наиболее ярко проявилось мастерство Чирикова-психолога. Проведенный анализ демонстрирует, что писатель попытался отойти от традиционных способов описания чувств и переживаний персонажа в пользу изображения его внутреннего мира как живого, динамического становления. Текучесть сознания Геннадия Тарханова и его бытийная природа выразились прежде всего в ослаблении внешнего сюжета и повторе одних и тех же ощущений в сходных ситуациях, вызванных любовными переживаниями героя. Этот факт свидетельствует о накоплении эмоций в душе Тарханова, что в конечном итоге ведет его к взрослению и самосовершенствованию. Таким образом, писатель интуитивно двигался в русле тенденции, которая в дальнейшем займет значимое место в литературе первой половины XX столетия под названием «неклассического» психологизма и даже антипсихологизма.

Ключевые слова: Чириков, автобиографизм, критическая рецепция, традиционный и «неклассический» психологизм в русской литературе, самосознание, творческая эволюция писателя, жанровая динамика

M. V. Mikhailova, A. V. Nazarova (Moscow, Russia)

Psychologism of E.N. Chirikov's Novel "The Return"

Abstract: The subject of consideration in the article was the peculiarity of psychologism in E.N. Chirikov's novel "The Return". He is included in the autobiographical tetralogy "The Life of Tarkhanov" (1911–1924), which demonstrates that in the early 1910s the writer moved away from the previously established reputation of a life writer and a denouncer of social ulcers, turning to a philosophical understanding of the world and man. However, the author's contemporaries were not ready for the creative evolution of the artist, which is proved by the history of the critical reception of this novel cycle. "The

Return” turned out to be virtually ignored by the reviewers, although it was in it that the skill of Chirikov, a psychologist, was most clearly manifested. The analysis demonstrates that the writer tried to move away from the traditional ways of describing the feelings and experiences of the character in favor of depicting his inner world as a living, dynamic formation. The fluidity of Gennady Tarkhanov’s consciousness and his existential nature were expressed primarily in the weakening of the external plot and the repetition of the same sensations in similar situations caused by the love experiences of the hero. This fact testifies to the accumulation of emotions in Tarkhanov’s soul, which ultimately leads him to adulthood and self-perfection. Thus, the writer intuitively moved in line with the trend that will later occupy a significant place in the literature of the first half of the twentieth century under the name of “non-classical” psychologism and even antipsychologism.

Key words: Chirikov, autobiography, critical reception, traditional and “non-classical” psychologism in Russian literature, self-awareness, creative evolution of the writer, genre dynamics

Цикл автобиографических романов Е.Н. Чирикова (1864–1932), составивших тетралогию «Жизнь Тарханова», прошел почти незамеченным современной писателю критикой, хотя, по замечанию одного из рецензентов, имел «несомненный успех у читателей»¹. Этот факт отражает непростую историю взаимоотношений художника с критиками, которые, как он признался в одном из писем, «меня никогда не любили <...>. Только почему? Шекспиром я себя никогда не считал <...>. Уж, кажется, веду себя скромно, а вот поди же...»². Неудивительно поэтому, что пережитая Чириковым во второй половине 900-х годов глубокая творческая эволюция, результатом которой и явилась «Жизнь Тарханова», осталась не понятой большей частью его литературного окружения. Заявив о себе в конце 1880-х как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, Чириков даже спустя два десятилетия по-прежнему выступал в глазах основной массы рецензентов лишь хорошим знатоком провинциальной жизни и представителем плеяды литераторов-«знаниевцев». Это обусловило неприятие аналитиками литературного процесса творческих поисков автора, выразившихся в экспериментах с художественной формой, переосмыслении фольклорных и религиозных сюжетов и др. Но такие попытки отчетливо свидетельствовали, что со второй половины 900-х Чириков постепенно и неуклонно стал отходить от остросоциальной проблематики и погрузился в размышления о прошлом России, ее природной красоте и культурном богатстве, выбрав в качестве ориентира народно-православные основы русского бытия. Критики же по-прежнему ждали от писателя едких обличительных произведений, хотя и признавали наличие в его новых художественных текстах «глубокого лиризма, <...> красивой печали воспоминаний, скорби раздумий, веры в юность, нежной любви к детской душе и сердцу русской женщины»³. В результате в 1910-е писатель оказался буквально исключен ими из «“передовой” литературной обоймы»⁴. Таким образом сочинения Чирикова, ознаменовавшие этап его творческой зрелости, оказались фактически «непрочтенными» современниками.

¹ Дерман А. Е.Н. Чириков // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 459.

² Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период. (1864–1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 152.

³ Михайлова М.В. Размышления над понятием «второстепенный писатель»: судьба Чирикова // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Маймина. Т. 1. Псков, 2002. С. 88.

⁴ Там же. С. 87.

После революции 1917-го ситуация усугубилась. В советской России имя писателя, не принявшего власть большевиков и вынужденного покинуть родину в конце 1920 г., было на долгие годы вычеркнуто из истории отечественной литературы. В эмиграции же Чириков стал объектом газетной травли, вызванной публикацией его романа «Зверь из бездны», который вышел сначала в 1924-м на чешском языке, а в 1926-м – на русском¹. В нем художник вскрыл ужас общенациональной распри в годы Гражданской войны, однако эмигрантская общественность расценила книгу как клевету на Белое движение, результатом чего стала массивная кампания по осуждению романа и его автора, а в дальнейшем почти полное замалчивание его новых художественных текстов. Изредка появлявшиеся критические разборы представляли собой, по сути, лишь более или менее подробный пересказ сюжета того или иного произведения, который иногда сопровождался упреками за обилие неоправданных, на взгляд рецензентов, публицистических отступлений. Такое положение однозначно свидетельствовало о том, что позиция писателя, как и ее художественное воплощение, критики-эмигранты даже не пытались осмыслить.

Сходная стратегия «анализа» по отношению к чириковским произведениям применялась и дореволюционной критикой, что ярко демонстрирует судьба «Жизни Тарханова». Этот цикл романов был задуман художником в начале 1910-х и первоначально представлял собой трилогию: первая часть – роман «Юность» (1911), вторая – «Изгнание» (1912), третья – «Возвращение» (1914). Уже в эмиграции в 1924 г. к ним добавилась «Семья», которую можно рассматривать как своего рода связующее звено между дореволюционным и эмигрантским творчеством Чирикова. В тетралогии воссоздан процесс духовно-нравственного становления молодого человека, чья молодость пришлась на рубеж 1880–1890-х гг. Он переживает увлечение революционными идеями, а затем разочарование в них и нащупывает свой путь в литературе, но, осознав со временем, что ошибся в выбранном поприще, в конечном итоге отказывается от него в пользу семьи. Импульсом к написанию «Жизни Тарханова» послужил пережитый Чириковым во второй половине 900-х мировоззренческий кризис, в основе которого лежал целый комплекс причин: и разочарование писателя в методах революционной борьбы, и разрыв с горьковским «Знанием» в 1908 г.², и столкновение с коллегами по драматургическому цеху в 1909-м, получившее название «чириковский инцидент», который вскрыл межнациональную рознь, существующую даже в интеллигентских кругах³. Все это заставило художника оглянуться на пройденный путь и создать своеобразный «отчет» о содеянном, который воплотился в четырех частях «Жизни Тарханова».

Предметом критической рецепции дореволюционной поры стали, по сути, лишь две первые книги, получившие примерно одинаковое количество откликов («Юность» – пять, «Изгнание» – шесть). В случае с «Возвращением» отметим, что на сегодняшний день удалось обнаружить только одну небольшую критическую заметку. «Семье» были посвящены три отзыва в эмигрантской периодике. Данный факт позволяет предположить, что именно третья часть «Жизни Тарханова» вызвала наибольшие затруднения у рецензентов, поэтому они предпочли обойти ее молчанием. Напротив, «Юность» и «Изгнание» критики поначалу приветствовали как

¹ См. подр: *Бобырь А.В.* К истории одной полемики // Вопросы литературы. 1995. № 3. С. 326–335.

² См. подр.: *Чириков Е.Н.* На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица: Биограф. альм. М.; СПб., 1993. № 3. С. 356–362.

³ См. подр.: *Кельнер В.Е.* Два инцидента: Из русско-еврейских отношений в начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3. С. 190–198; *Михайлова М.В.* Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «чириковский инцидент» // Параллели. М., 2003. Т. 2–3. С. 163–188.

в целом удачную, по их мнению, попытку автора перейти от рассказов и повестей к более крупной форме¹. В числе достоинств двух первых книг критики назвали их «безыскусственность» и «правдивость», которые приятно удивят читателя после обилия «вычурных, деланных и бьющих на дурные страсти художественных произведений последних лет»². Кроме того, они отметили «лиризм» и «добродушный ласковый юмор», которые освещают повествование «каким-то ласковым тихим светом»³ и тем самым искупают «подчас значительные художественные погрешности»⁴ этих книг. Но постепенно доброжелательный тон стал превращаться в снисходительный и в конечном итоге обернулся упреками писателю.

Сначала звучали упреки «мягкие» – в том, что роман «Изгнание» «написан так бегло, что похож на фельетон»⁵. Претензии коснулись и изображения колонии ссыльных в «Изгнании», в которой увидели карикатуру на толстовцев⁶, представители же других идейно-политических течений показали даже «брюзжащими мумиями»⁷. «Юность» же, наоборот, раскритиковали за чрезмерную сентиментальность⁸, сюжетную шаблонность и обилие «незначущих» диалогов⁹, в результате чего по сравнению с предшествующими главами конец оказывается «страшно растянут и до некоторой степени однообразен и монотонен»¹⁰.

Однако наибольшее число нареканий вызвала крайне слабая, на взгляд рецензентов, обрисовка Чириковым характеров персонажей. По их мнению, автор «Жизни Тарханова» вместо глубокого психологического анализа предпочел «приклеить ярлык к своим героям, подводя их под классические литературные образцы»¹¹. Поэтому если одна героиня любовного треугольника, в котором оказался Геннадий Тарханов, являет собой «кротость и скромность», то ее соперница предсказуемо воплощает «чувственность и порывистость»¹². Очерченным «довольно бледно» показался им и образ главного героя: «это как бы “юноша вообще”»¹³, он «нетонк, несложен, а иногда и банален», «совершенно невзыскателен и нетребователен не только в отношении внешней обстановки, но и к людям»¹⁴. И если вначале герой все же представал «увлекающимся, но бодрым, смелым юношей», чем вызывал к себе несомненную симпатию, то в финале «Изгнания» он превратился «не то в плаксу, не то в любовного нытика», который «все время ведет себя как неразумный ребенок»¹⁵.

Отмеченные недостатки послужили основой для жесткого и безапелляционного вердикта: вторая часть «Жизни Тарханова» превратилась в «фарс», а литературный талант Чирикова «отправился “в изгнание”»¹⁶. Думается, что такая резкость высказанного суждения свидетельствует о замешательстве, растерянности и недоумении

¹ См.: *Измайлов А.* Литературное обозрение // *Нива*. 1911. № 41. С. 757.

² Э.С. [*Серебряков Э.А.*] Среди журналов // *Вестник знания*. 1911. № 7. С. 656.

³ *Измайлов А.* Литературное обозрение. С. 757.

⁴ В.Ю.Б. [*Вентцель Н.Н.*] Повесть о юности [*«Юность»*] // *Новое время*. 1912. № 13108 (8 сент.). Прил. С. 11.

⁵ *Колтоновская Е.* О русском // *Новый журнал для всех*. 1912. № 12. С. 102.

⁶ *Ожигов Ал.* [*Аиешов Н.П.*] Литературные мотивы // *Современное слово*. 1913. № 1888 (10 апр.). С. 2.

⁷ Э.С. [*Серебряков Э.А.*] Среди журналов // *Вестник знания*. 1912. № 12. С. 1006.

⁸ См.: *Дерман А. Е.Н.* Чириков. С. 459.

⁹ См.: В.Ю.Б. [*Вентцель Н.Н.*] Повесть о юности [*«Юность»*]. С. 11.

¹⁰ Э.С. [*Серебряков Э.А.*] Среди журналов // *Вестник знания*. 1911. № 8. С. 753.

¹¹ *Дерман А. Е.Н.* Чириков. С. 459.

¹² Там же. С. 459.

¹³ В.Ю.Б. [*Вентцель Н.Н.*] Повесть о юности [*«Юность»*]. С. 11.

¹⁴ *Колтоновская Е.* О русском. С. 103.

¹⁵ Э.С. [*Серебряков Э.А.*] Среди журналов. С. 753.

¹⁶ *Голиков В.* Вместо трагедии – фарс // *Неделя «Вестника знания»*. 1913. № 5. С. 74.

критиков перед «Жизнью Тарханова», которая по мере развития сюжетного действия все заметнее выбивалась из привычных канонов автобиографического, идейного или любовного романов. И хотя чириковская тетралогия «явно демонстрирует признаки романа воспитания», поскольку в основе ее содержания лежит «личностный рост героя»¹, нельзя не отметить, что в ней «с течением времени» становится видна «динамика жанровых форм»². Она движется от «традиционной для русской литературы прошлых лет повествовательной структуры с четким автобиографическим событийным фоном, многочисленными лирическими отступлениями и романтической приподнятостью в описании первого любовного чувства»³ в «Юности» к более усложненным романским образованиям, какими явились «Изгнание» и особенно «Возвращение», где наиболее ярко проявились «типологические черты реализма нового времени», в числе которых «активизация мифопоэтической традиции», «внефабульная сфера повествования», «символический подтекст»⁴ и т. д. Некоторые из них в дальнейшем проявились и в «Семье», чью жанровую принадлежность можно определить как «роман в романе»⁵. В нем герой, Геннадий Тарханов, фактически «переписывает» собственное прошлое, для чего надевает маску «эмоционально отстраненного повествователя», находящегося «над схваткой»⁶. Тем самым дистанция между персонажем и его создателем увеличивается, что можно расценить как попытку Чирикова перенести внимание «с прямого воссоздания типов, реалий, ситуаций на освоение сознания, для которого действительность оказывается своеобразной “пищей”»⁷, что ведет к изменению повествовательной перспективы. Следовательно, можно констатировать, что художник оказался весьма чуток к процессам обновления, которые протекали в отечественной литературе в первой четверти XX столетия, когда приемы психологического письма были ориентированы прежде всего на воссоздание «живого познавательного акта, понятого как процесс». Требовалось «найти язык, конгениальный контурам текучих психических состояний»⁸. Но современные Чирикову критики в силу инерции восприятия по-прежнему утверждали, что в «Жизни Тарханова» «психология лишена глубины»⁹.

Несостоятельность подобной точки зрения особенно убедительно доказывает роман «Возвращение», где мастерство разработки писателем психологического состояния своего героя, воссоздание восприятия им жизни и переживания этого восприятия достигает, как представляется, наивысшей точки. На первый взгляд третья часть «Жизни Тарханова» кажется одним из самых мучительных и «неопределенных» по настроению романов цикла. Подобно «Семье», она также отличается от «Юности» и «Изгнания», но по иной причине. «Возвращение» почти от начала и до конца по-

¹ Белукова В.Б. Тетралогия Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» как роман воспитания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. №3(42). С. 273–276.

² Захарова В.Т. Автобиографическая трилогия Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова»: поэтика жанра // Нижегородский текст русской словесности: Межвуз. сб. науч. статей, 15–17 октября 2009 г. Н. Новгород, 2009. С. 278.

³ Там же. С. 278.

⁴ Там же.

⁵ См. подр.: Михайлова М.В., Назарова А.В. Трансформация героя и типа повествования в автобиографической тетралогии Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» // Литературное зарубежье как культурный феномен: Сб. науч. тр. М., 2019. С. 50.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. С. 154.

⁸ Бережнов Д.А. О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. №4. С. 134.

⁹ Измайлов А. Литературное обозрение. С. 757.

священо любовным терзаниям Геннадия Тарханова и его раздумьям об этом романтическом чувстве. Поэтому, если не знать, что текст написан автором-мужчиной, может сложиться впечатление, что он принадлежит перу женщины. Ведь в широком общественном сознании начиная с XIX столетия бытует представление, что женское творчество может реализоваться лишь в двух проявлениях – как «педагогическая литература для детей» и «литература чувства, посвященная любви»¹. И Геннадий в «Возвращении» на протяжении сюжетного действия остается практически бездейственным. Он настолько поглощен собой, что почти не замечает ничего вокруг, поэтому автор порой сравнивает такое его состояние с опьянением. Более того, подчас складывается впечатление, что сам писатель не замечает этих «остановок» и замедления действия, постоянно возвращаясь к описанию одних и тех же ощущений, хотя в действительности это не совсем так. Почти в полном согласии с законом «кристаллизации», открытым Стендалем в трактате «О любви», написанном за сто лет до создания чириковского романа, в «Возвращении» читатель наблюдает, как идет накопление эмоций Тарханова, как его чувства приобретают остроту, усиливаются сомнения в праве любить замужнюю женщину, растет чувство вины перед ее мужем, а восторг перед безгрешностью Зои сменяется подозрением в ее испорченности. И такая круговерть подчиняет героя, заставляет его бесконечно кружить подле дома любимой, совершать предосудительные с обывательской точки зрения поступки (наносить бесконечные визиты и засиживаться допоздна в отсутствие супруга). Понятно, что Тархановым владеет любовь-страсть, но он не хочет в этом себе признаться, так как сам опутан сетью представлений о грехе и изменности телесных желаний, сформированных в нем той самой «буржуазной средой», от которой он отрекся, выбрав в юности стезю революционера.

Внешне третий роман во многом соответствует фактам биографии Чирикова: в нем до мелочей показаны сложности включения в обыденную жизнь бывшего политического ссыльного, который лишен права жить в столичных городах, находится под постоянным надзором полиции и в целом все время понукаем и преследуем властями. И все же на самом деле название «Возвращение» имеет более глубокий смысл. Его следует понимать не только как перемещение в пространстве – из мест отдаленных в родные пределы, а расширительно – как возвращение к самому себе, к истокам веры, к подлинности переживаний. И в этом плане очень важна «переработка» художником фактов личной биографии, благодаря чему окончательно становится ясно, что Тарханов вовсе не Чириков. Этого-то и не осознал единственный рецензент книги, который, напротив, отождествил персонажа и автора. В результате сложная и запутанная линия внутреннего роста Геннадия оказалась подменена коротким и глумливым пересказом его житейской «одиссеи»: «сегодня полюбил, завтра разлюбил, сегодня на пароходе, завтра в каталажке»². Но такая пунктирность сюжета наводит на мысль, что главным предметом внимания писателя явилось именно самосознание героя, свойством бытийной природы которого является «не получение информации о себе, а необходимость *осознанно быть собой*»³.

Отличие автора от героя позволяет увидеть переключку «Жизни Тарханова» с «Историей моего современника» В.Г. Короленко (которая писалась им с 1905 по 1921 г.), где в основу автобиографического на первый взгляд текста также вроде

¹ Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023. С. 11.

² См.: Бурнакин А. Литературные заметки. «Текущее» // Новое время. 1914. № 13644 (7 марта). С. 5.

³ Казаков А.А. Антропологические искания XX века и антипсихологизм Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. №4. С. 193.

бы положена канва жизни самого создателя, но в то же время перед читателем раскрывается типичная судьба интеллигентного человека, сформированного народническим мировоззрением, наказанного за свое сочувствие народу ссылкой и там познавшего истинное лицо того многоликого «существа», которому он хотел принести в жертву свою жизнь. «Комнатный» интеллигент сталкивается напрямую с народной массой и начинает наконец различать лица людей. Нечто подобное происходит и в «Возвращении». Тарханову переданы сомнения самого Чирикова, который также в свое время не мог определиться со своим будущим, тоже много рассуждал по поводу народа: «...Глупо это сердиться на мужика, а не могу: злюсь. Разве он виноват, что его веками держали и держат в умышленном невежестве? <...> бедность и забитость мужицкая – главная причина всех моих социальных чувствований <...> Сижу, <...> прислушиваюсь к мужицкой хоровой песне на нижней палубе. Огромная тоска в этой мужицкой песне <...>!.. Эта тоска роднит меня с моим народом... Странно. Так далеки и чужды мы в повседневной жизни, исторические судьбы вырыли между нами глубокую пропасть непонимания, <...> а вот сейчас слушаю я тоскливую хоровую мужицкую песню и опять верю, что когда-нибудь мы все-таки пойдем друг друга...»¹.

Но перелом для героя наступает не тогда, когда это произошло с самим писателем. Чириков пережил разочарование в социальном переустройстве мира после Первой русской революции. Ему стало понятно, сколь далеки его представления о народе от реальных надежд и чаяний этих самых людей². Тарханов же постигает сложность жизни, утопичность своих народнических грез, когда начинает разбираться в самом себе. А это происходит в результате любовных коллизий, которые сделали его по-настоящему взрослым человеком. Итак, не ссылка, не идейный фактор, а именно любовь способствует полноценному формированию личности героя.

Интересно, что «Возвращение» стало своего рода развернутой «репликой» в адрес «Юности». Как и в том романе, здесь тоже на первый план выдвинуты фигуры двух женщин: Зины, с которой Тарханова свела судьба в ссылке и которая стала его женой, и Зои, словно вынырнувшей из небытия и вновь всколыхнувшей в его душе бурю чувств. Отношения с ними демонстрируют наглядное отличие Тарханова от Чирикова и невозможность свести события романа к прямому автобиографизму. Поразительное равнодушие, которое проявляет Тарханов к состоянию ждущей ребенка Зины, непонимание, что ее капризы, смена настроений могут быть связаны с беременностью, характеризуют его как эгоиста, человека, занятого только собой. Здесь стоит отметить точность авторских характеристик и глубокое проникновение в психологию будущей матери, которые позволяют говорить о Чирикове как в глубочайшем психологе.

Однако яркое описание «болезненного состояния беременной женщины», о чем уже частично упоминалось в предшествующем романе «Изгнание», не было оценено критиками как глубокое проникновение в психологию будущей матери, как еще одна грань психологизма писателя, поэтому они сосредоточились на разоблачении несостоятельности «знатока душ», на звание которого претендует Тарханов-литератор³. А ведь все дальнейшее поведение Геннадия: то, как он «отвлекается», оказавшись под крышей родного дома, от мрачных мыслей, как забывается в играх с внебрачным сыном, как отрешенно воспринимает весть о

¹ Чириков Е.Н. Возвращение. 2-е изд. М., 1914. С. 13, 18, 115–116.

² См.: Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний. С. 367–368.

³ См.: Голиков В. Вместо трагедии – фарс // Неделя «Вестника знания». 1913. № 5. С. 79.

смерти Зины и гибели неродившегося ребенка, – только подтверждает подозрение именно о его бесчувственности. Он даже сам вскоре признается, что не прошло и полугода, как он забыл об умершей жене: «...Быстротечны все человеческие печали и радости. Недолго живут с нами мертвецы. <...> Прошел месяц, только один месяц, а нет уже острой боли и нет гложущей тоски, и нет бессильного возмущения, с которыми я встретил известие о смерти Зины. Жизнь бьет ключом, днем нет места мыслям о смерти»¹. Тем самым в начале этой части герой едва ли не отталкивает читателя своей самоуверенностью и безотчетным следованием привычным представлениям о себе и окружающих людях. И это при том, что он явно вызывал симпатию ранее: мы видели его юношескую восторженность, самозабвение, горячность. Это делало его близким и понятным.

Но чем дальше, тем отчетливее проявляются разительные изменения в его внутреннем мире. Чириков, таким образом, показывает нам не только «диалектику души», но и «динамику души», шаг за шагом раскрывая перед глазами читателя, что же лежит в основе этих «колебаний». Налицо желание писателя показать «многосоставность» и противоречивость человеческой природы, когда в одном случае мужчина может оказаться едва ли не подлецом, бездумно женившимся и почти сразу же разлюбившим женщину, а в другом проносящим верность своей первой любви через всю жизнь. Если первые две части тетралогии были посвящены изображению страстей и идеологической ковке героя, и эти моменты существовали отдельно, то в «Возвращении» писатель детально раскрывает сложное переплетение эмоционального и рационального в человеке. Именно в этом, думается, и обнаруживается сверхцель рассматриваемого романа. Верность природному началу – вот что провозглашается рассказом о возвращении человека к себе, нащупывании им тех природных качеств, которые скрыты за напластованиями привычек, пошлых представлений и пустых требований. Отсюда в третьей части «Жизни Тарханова» так много пейзажей. Кажется, что Геннадий чувствует себя в ладу с самим собой, только когда уходит на берег Волги, устремляет свой взор вдаль, видя красоту гор и слыша протяжные гудки пароходов. Тем самым «социальное» незаметно переплавляется в «Возвращении» в «психологическое», или даже, если можно так выразиться, «социальное» оказывается отодвинуто на задний план: встречи Геннадия с людьми из народа спонтанны, случайны и чаще всего демонстрируют нарастающее непонимание начинающим писателем нужд мужиков. Тарханов по-прежнему хочет приносить пользу народу, для чего организует в Симбирске «дочернее» предприятие, начинает выпуск газеты, которая является приложением к казанскому, – так ему удастся избежать всевидящего ока цензора. Но работа на самом деле не очень занимает его. Читатель мало узнает о том, как издается газета, какие проблемы поднимаются на ее страницах, как добываются нужные сведения, и может судить о литературных успехах Тарханова лишь с его собственных слов. Подобное «умалчивание» можно было бы расценить как доказательство писательской скромности героя, но множество приведенных в «Юности» и «Изгнании» примеров его самонадеянности и даже апломба в суждениях и поступках неизбежно заставляет усомниться в справедливости этого предположения. Поэтому кажется возможным и иное объяснение. Отсутствие в «Жизни Тарханова» подробностей профессиональной деятельности служит знаком глубокой погруженности героя (и автора) в редакционную суету, из-за чего ему становится присущ определенный «автоматизм» восприятия. Как и любая

¹ Чириков Е.Н. Возвращение. С. 136.

другая, работа в газете по-своему рутинна, а значит, по мысли повествователя, не нуждается в тщательном освещении.

Намного важнее причина, почему герой обосновался именно в Симбирске. Именно там живет его первая любовь – Зоя, восторженному воспеванию которой посвящено так много страниц в «Юности». Теперь она замужем за достойным и привлекательным человеком, который и становится соперником главного героя. Вновь отметим, что муки ревности, скачки «температуры» в отношении мужа – от нормальной до зашкаливающей, от готовности стать друзьями до клокочущей ненависти – переданы Чириковым виртуозно. Причем наметилась эта скрупулезность в описании переживаний Геннадия Тарханова уже в «Изгнании», но опять-таки осталась не замеченной рецензентами, которые не могли найти для себя убедительного объяснения происходящим с героем метаморфозам, поэтому охарактеризовали его как «слабого духом, умом и волей» «истерического неврастеника»¹.

Отношения внутри любовного треугольника Зина – Геннадий – Зоя составляют главные события третьей книги, медленно, но верно ведущие к драматической развязке, которой оказывается дуэль и последовавший за ней отъезд Геннадия из Симбирска. И если на протяжении всего романа события развиваются в духе сонатного аллегро, т. е. в душе героя с разной степенью интенсивности идет борьба двух «тем» – разрастающейся любви и попыток смириться с положением, то в конце темп повествования убыстряется. Толчком к этому служит традиционная для русской литературы сцена охоты (можно вспомнить охоту в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, «Антоновских яблоках» И.А. Бунина и др.), во многом проясняющая обстановку. Не умеющая стрелять Зоя ненароком убивает зайца и приходит в ужас от содеянного: «Зачем я это сделала!.. <...> Я не думала, что мне будет так тяжело...»². Пролитая кровь словно предвещает роковой финал, к которому может привести неразрешимый в рамках приличия конфликт между мужем и поклонником. Читателю кажется, что смертельный поединок неизбежен, ведь муж Зои бросает вызов, который Тарханов принимает.

Но на пути к трагической развязке неожиданно встает как раз таки сама Зоя (чье имя не случайно означает «жизнь»), которая трезво и спокойно объясняет запутавшемуся между «должно», «прилично» и «нравственно» Геннадию, что убийство на дуэли одного из участников положит конец всей «истории», ведь она не сможет оставаться с убийцей, кто бы им ни оказался. «Я не останусь жить, если вы убьете Дмитрия... И не останусь жить, если он убьет вас...»³ – произносит она. Более того, Зоя буквально раскрывает Тарханову глаза на то, что он, так презирающий мещанские нравы и обычаи, уверенный, что он выше сплетен и пересудов, на самом деле мыслит как обыватель: «Вы имеете мужество умереть, но не имеете мужества для отказа? <...> Во имя требований толпы порядочных людей, которых вы... не уважаете, вы соглашаетесь убить или быть убитым!..»⁴ Руководствуясь привычными житейскими нормами, боясь прослыть трусом и нарушить навязанные обществом представления о приличиях, Тарханов действительно готов совершить убийство. Так неожиданно в образе Зои соединяется социальное и психологическое, которое во внешнем сюжете казались разъединенными. Эта героиня становится носителем правды-истины и правды-справедливости, помогая заблудившемуся путнику Тарханову встать на путь возвращения в

¹ Голиков В. Место трагедии – фарс. С. 79.

² Чириков Е.Н. Возвращение. С. 272.

³ Там же. С. 310.

⁴ Там же. С. 311.

«Дом отца своего» и обретения веры, благодаря чему теперь над ним не властны соображения «правильности», «выгоды», «приличий». Он перестает измерять поступки людей классовыми категориями, пробиваясь к человеческому и сердечному, начинает видеть очертания Дома, который может стать для него местом духовного возрождения, хотя реальный дом им давно утрачен, поскольку населен чужими по духу людьми.

И здесь Чириков уготовил последнее испытание своему герою. Когда кажется, что он наконец достиг счастья (в порыве ревности раненная мужем Зоя выздоравливает и признается Геннадию в любви), возлюбленная Тарханова отказывается соединиться с ним, вероятно, считая, что он только встал на истинный путь и что только время и их расставание помогут ему осознать, что же произошло на самом деле. Она обращается к нему со словами: «Геннадий, если вы меня любите, вы уедете <...>... Разлука нужна, неизбежна!.. Только в ней и есть выход для нас и нашей любви... Так много около нас и нашей любви нехорошего, мешающего, даже... пошлого... Надо все отбросить, пережить, забыть, чтобы с чистой радостью смотреть в глаза друг другу <...>. Мы будем долго тосковать, и в этой тоске очистятся наши души...»¹.

В результате заключительный эпизод в финале «Возвращения» приобретает символический отблеск. Геннадий, пришедший навестить Зою в больнице, мечется в поисках выхода: «Двери, двери, двери, массивные, глухие двери с медными замками и ручками, и все совершенно одинаковые...»². За одной из них осталась Зоя, только обретенная и уже потерянная. «Я старался припомнить и определить, за которой именно дверью – их так много! – и не мог. И это меня так мучило, что я не двигался с места, впиваясь в те три двери <...>»³. Не случайно, по-видимому, здесь возникает аналогия с витязем на распутье (дверей «много», но взор Тарханова «впивается» именно в три!) и отчаянный возглас: «Я потерял дорогу к выходу...»⁴.

Так любовь помогает совершенствованию человека, и его источником для Чирикова становится женщина, что также будет главным мотивом его произведений, созданных уже в эмиграции, – «Зверь из бездны» и «Мой роман» (1926). Несомненно, что в них писатель создает идеализированный женский образ, близкий тому иконописному образу Скорбящей Божьей Матери, который Тарханов увидел в церковном приделе, когда в смятении пришел в церковь накануне Рождества. На иконе он видит «страдающее и любящее» лицо, «кротко смотрящее на пришедших поклониться Ее распятому Сыну»⁵. «Скорбное и чистое» лицо и у Зои. Только такие женщины, был убежден художник, и спасают мужчин от разрушающего их души «зверства». Недаром действие в финале «Возвращения» приурочено к празднику Рождества, а в конце Тарханов видит остающийся позади «голубой купол со сверкающим золотым крестом»⁶. Отныне он и будет для него ориентиром.

Подводя итог, еще раз отметим, что автобиографическая тетралогия «Жизнь Тарханова» обозначила решительное прощание Чирикова в начале 1910-х гг. с навязанной критиками репутацией бытописателя и обличителя социальных язв, сложившейся в ранний период его творчества. Однако эта трансформация, результат которой особенно ярко проявился в романе «Возвращение», так и осталась не осмысленной современниками художника, фактически проигнорировавшими третью

¹ Там же. С. 350–351.

² Там же. С. 353.

³ Там же. С. 352.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 354.

часть созданного им полотна. Тем не менее этот роман продемонстрировал, что в зрелом творчестве Чириков интуитивно двигался в русле тенденции, которая в дальнейшем займет значимое место в литературе первой половины XX столетия, получив название «неклассического» психологизма и даже антипсихологизма. По сравнению с традиционным способом изображения внутреннего мира персонажа этот «новый» психологизм стремится перейти от изображения непосредственных психологических фактов к «той “длительности”, которая и есть сама ткань реальности»¹. Именно текучесть сознания Геннадия Тарханова, его бытийную природу попытался запечатлеть автор в «Возвращении», что выразилось в ослаблении внешнего сюжетного действия и повторных описаниях одних и тех же ощущений, вызванных любовными переживаниями. Герой погружается в них буквально с головой, переставая, как порой кажется, замечать что-либо вокруг себя, но благодаря этому получает возможность стать на путь самосовершенствования и в конечном итоге предстает перед читателем по-настоящему зрелой личностью, готовой к испытаниям.

ЛИТЕРАТУРА

Белукова В.Б. Тетралогия Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» как роман воспитания // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. №3(42). С. 273–276.

Бережнов Д.А. О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. №4. С. 132–141.

Бобырь А.В. К истории одной полемики // Вопросы литературы. 1995. №3. С. 326–335.

Бурнакин А. Литературные заметки. «Текущее» // Новое время. 1914. №13644 (7 марта). С. 5.

В. Ю. Б. [Вентцель Н.Н.] Повесть о юности [«Юность»] // Новое время. 1912. №13108 (8 сент.). Прил. С. 11.

Голиков В. Вместо трагедии – фарс // Неделя «Вестника знания». 1913. №5. С. 74–81.

Дерман А. Е.Н. Чириков // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 т. Т.1. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. С. 449–462.

Захарова В.Т. Автобиографическая трилогия Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова»: поэтика жанра // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей, 15–17 октября 2009 г. Н. Новгород: НГПУ, 2009. С. 272–279.

Измайлов А. Литературное обозрение // Нива. 1911. №41. С. 757.

Казаков А.А. Антропологические искания XX в. и антипсихологизм Ф.М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. №4. С. 185–196.

Кельнер В.Е. Два инцидента: Из русско-еврейских отношений в начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. №3. С. 190–198.

Колтоновская Е. О русском // Новый журнал для всех. 1912. №12. С. 95–104.

Михайлова М.В. Еврейская тема в творчестве Е.Н. Чирикова и «чириковский инцидент» // Параллели. М., 2003. Т.2–3. С. 163–188.

Михайлова М.В. Размышления над понятием «второстепенный писатель»: судьба Чирикова // Забытые и второстепенные писатели XVII–XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Е.А. Маймина. Т.1. Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 2002. С. 86–93.

¹ *Бережнов Д.А.* О некоторых аспектах неклассического психологизма (А. Белый и В. Набоков) в свете философии А. Бергсона. С. 134.

Михайлова М.В., Назарова А.В. Трансформация героя и типа повествования в автобиографической тетралогии Е.Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» // Литературное зарубежье как культурный феномен: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 44–59.

Ожигов Ал. [Ашешов Н.П.] Литературные мотивы. Воспоминания юности. Новый роман Е.Н. Чирикова // Современное слово. 1913. № 1888 (10 апр.). С. 2.

Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.). М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 548 с.

Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.

Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003. 420 с.

Чириков Е.Н. Возвращение. 2-е изд. М.: Московское книгоиздательство, 1914. 357 с.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица: Биограф. альм. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1993. № 3. С. 294–396.

Э.С. [Серебряков Э.А.] Среди журналов. «Юность», роман Е. Чирикова // Вестник знания. 1911. № 7. С. 655–657.

Э.С. [Серебряков Э.А.] Среди журналов. «Юность», роман Е. Чирикова // Вестник знания. 1911. № 8. С. 753–755.

Э.С. [Серебряков Э.А.] Среди журналов. «Изгнание», роман Е. Чирикова // Вестник знания. 1912. № 12. С. 1000–1007.

REFERENCES

Belukova V. E.N. Chirikov's Tetralogy "The Life of Tarkhanov" as a Novel of Upbringing. *Scientific Notes of the Novgorod State University*. 2022. No 3(42), pp. 273–276.

Berezhnov D. On Some Aspects of Non-classic Psychologism (in works of A. Bely and V. Nabokov) in the View of Bergson Philosophy. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2022. No 4, pp. 132–141.

Bobyр' A. To the History of a Controversy. *Voprosy Literaturny*. 1995. No 3, pp. 326–335.

Burnakin A. Literary Notes. "The Current". *New Time*. 1914. No 13644 (March 7), p. 5.

Chirikov E. On the Paths of Life and Creativity: Fragments of Memories. In: *Litsa: Biographical Almanac*. Moscow; St. Petersburg. Feniks, Atheneum Publ. 1993. No 3, pp. 294–396.

Chirikov E. (1914) *The Return*. 2nd ed. Moscow. Moskovskoe Knigoizdatelstvo. 357 p.

Derman A. E.N. Chirikov. The Russian Literature of the Twentieth century (1890–1910): In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Publishing House "XXI vek – Soglasie". 2000, pp. 449–462.

E.S. [Serebryakov E.A.] Among the Magazines. "The Youth", a novel by E. Chirikov. *Vestnik Znaniya*. 1911. No 7, pp. 655–657.

E.S. [Serebryakov E.A.] Among the Magazines. "The Youth", a novel by E. Chirikov. *Vestnik Znaniya*. 1911. No 8, pp. 753–755.

E.S. [Serebryakov E.A.] Among the Magazines. "The Exile", a novel by E. Chirikov. *Vestnik Znaniya*. 1912. No 12, pp. 1000–1007.

Golikov V. Instead of a Tragedy is a Farce. *Nedelya "Vestnika Znaniya"*. 1913. No 5, pp. 74–81.

Izmajlov A. The Literary Review. *Niva*. 1911. No 41, p. 757.

Kazakov A. Anthropological Searching of the 20th Century and Dostoevsky's Antipsychologism. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2022. No 4, pp. 185–196.

Kelner V. Two Incidents: From Russian-Jewish Relations at the Beginning of the Twentieth century. *Bulletin of the Hebrew University in Moscow*. 1995. No 3, pp. 190–198.

Koltonovskaya E. About Russian. *Novyj Zhurnal dlja Vsekh*. 1912. No 12, pp. 95–104.

Mikhailova M. The Jewish Theme in the Works of E.N. Chirikov and the “Chirikov Incident”. *Parallels*. Moscow. 2003. Vols. 2–3, pp. 163–188.

Mikhailova M. Reflections on the Concept of “Secondary Writer”: The Fate of Chirikov. In: *Forgotten and Secondary Writers of the XVII–XIX cs. as a Phenomenon of European Cultural Life: Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of E.A. Maimin*. Vol. 1. Pskov. Pskov State Pedagogical University Press. 2002, pp. 86–93.

Mikhailova M., Nazarova A. Transformation of the Hero and the Type of Narrative in E.N. Chirikov’s Autobiographical Tetralogy “The Life of Tarkhanov”. In: *Literary Abroad as a Cultural Phenomenon: A Collection of Scientific Papers*. Moscow. INION RAN Press. 2019. pp. 44–59.

Ozhigov A. [Asheshov N.P.] Literary Motives. Memories of Youth. New novel by E.N. Chirikov. Sovremenny Mir. 1913. No 1888. (April 10), p. 2.

Posse V. (1929) *My Life Path. The Pre-revolutionary Period (1864–1917)*. Moscow; Leningrad. Zemlya i Fabrika Publ. 548 p.

Savkina I. (2023) *Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Women’s Literature*. Moscow. NLO Publ. 472 p.

Skorospelova E. (2003) *Russian Prose of the Twentieth century: From A. Bely (“Petersburg”) to B. Pasternak (“Doctor Zhivago”)*. Moscow. TEIS Publ. 420 p.

V. Yu. B. [Ventcel N.N.] *The Tale of Youth [“The Youth”]*. *Novoe Vremya*. 1912. No 13108. (September 8). Appendix, p. 11.

Zakharova V. E.N. Chirikov’s Autobiographical Trilogy “The Life of Tarkhanov”: Poetics of the Genre. In: *Nizhny Novgorod Text of Russian Literature: Intercollegiate collection of scientific articles, October 15–17, 2009*. Nizhny Novgorod. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University Press. 2009, pp. 272–279.

Сведения об авторах:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhailova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Анастасия Викторовна Назарова,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Nazarova,
PhD
Senior lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
raznastas@gmail.com